

О. А. Воронина

Гендерное измерение политики и культуры в России

Основная цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать влияние государственной идеологии и культурной политики на формирование нормативной гендерной системы в советской и постсоветской России. Автор выделяет и описывает несколько этапов этого процесса: 1) провозглашение эмансипации женщин и либерализация норм сексуальных и брачно-семейных отношений в 20-е гг. прошлого века; 2) трудовая мобилизация женщин и усиление государственного контроля над семьей и материнством в 30–50-е гг.; 3) предлагаемая государственной политикой позднего социализма неотрадиционная система гендерных ролей; 4) постсоветский период. Показывается, что несмотря на формально провозглашенное равенство женщин и мужчин, советская государственная идеология и политика имплицитно содержат биодетерминистские представления о гендерной дифференциации и сегрегации. Эти идеи сохраняются в области социальной и культурной политики и в постсоветский период. Недолгое время, когда государство в области социальной политики следовало международным нормам гендерного равенства, сменилось с началом нового века сначала их игнорированием, а затем и отказом во имя сохранения архаически понимаемых национальных ценностей. Внедрение политическими и культурными институтами консервативной модели гендерной системы имеет негативные последствия для развития общества и личности.

Ключевые слова: гендер, власть, идеология, государство, культурная политика, маскулинность, феминность, равенство, архаика.

О. А. Voronina

Gender Measurement of Policy and Culture in Russia

The main goal of the article is to analyze the impact of state ideology and cultural policy in the formation of the normative gender system during the Soviet and post-Soviet Russia. The author identifies and describes several stages of this process: 1) the proclamation of emancipation of women and liberalization of sexual norms and marital and family relations in the twenties in last century; 2) labour mobilization of women and strengthening of the state control over family and motherhood in the thirties and the fifties; 3) late socialism state public policy for support of the neo-patriarchal gender system; 4) the post-Soviet period. It is shown that despite the formally declared equality of women and men, the Soviet state ideology and social policy were based on biodeterminist ideas about gender differentiation and role segregation. These ideas are in the social and cultural policy in the post-Soviet period. From the adoption of international norms of gender equality (1993–2000), the government has moved quickly to cancel them in the name of preserving archaic understanding national values. The propaganda of political and cultural institutions of the conservative model of the gender system has negative consequences for the development of society and the individual.

Keywords: gender, power, ideology, a state, cultural policy, masculinity, femininity, equality, archaic.

Гендерная система – это совокупность политических и социальных институтов, культурных норм и идеологии, которые определяют поведение, роли, взаимодействие и сознание людей в зависимости от их пола. В разных странах и культурах ведущую роль в формировании гендерной системы играют разные факторы – тип политической идеологии/политического режима, ведущая религиозная конфессия, степень экономического развития. В нашей стране на протяжении последних ста лет именно господствующая политическая доктрина и государство определяли конфигурацию гендерных ролей и гендерной системы в целом. Содержательно в этом процессе формирования советской и постсоветской гендерной системы можно выделить несколько этапов.

Первый послереволюционный период (20-е гг. XX в.) отмечен резким сломом всего старого, в

том числе и традиционной гендерной системы царской России. Идеологической основой этого выступила марксистская концепция эмансипации женщин, включающая вовлечение женщин в производство, разрушение патриархальной семьи и обобществление быта. В соответствии с этими идеями был проведен ряд законодательных реформ, в результате которых женщины де юре получили равные права с мужчинами; был отменен церковный и легализован гражданский брак; облегчены процедуры его заключения и расторжения¹; прошла либерализация репродуктивных прав и прав детей (рожденные в официальном браке и вне брака дети были уравнианы в правах). Замужние женщины получили прежде отсутствовавшее у них право на свободу передвижения и не обязаны были жить со своими мужьями и всюду следовать за ними. Скрытой целью этих

реформ было «выравнивание женщин как трудовой силы с трудовой силой мужчины» [11, с. 3]. Идеи свободной любви, обобществления женщин, коллективизации быта активно продвигались как в политических документах, так и в работах представителей Пролеткульта.

Выразительницей официальной позиции была популярнейшая в то время А. Коллонтай, занимавшая пост Народного комиссара здравоохранения. В своих многочисленных книгах и статьях она активно отвергала старые нормы сексуальной морали. И делала она это отнюдь не из соображений эмансипации женщины, а руководствуясь исключительно «фундаментальными задачами рабочего класса» [5, с. 32], потому что обычная любовь «изолирует влюбленную пару от коллектива» [3]. По утверждению Коллонтай, в революционную эпоху провозглашаются иные ценности: «трудовой коллектив постепенно поглотит и растворит в себе прежнюю буржуазную семью» [7], а женщина в коммунистическом обществе перестанет зависеть от своего мужа и сможет обеспечивать себя благодаря своим способностям. Более того, «ей больше не надо беспокоиться о своих детях. За них отвечает государство рабочих» [4, с. 45], поэтому А. Коллонтай призвала дать «дорогу крылатому Эросу!».

В одном из своих литературных произведений Коллонтай описывает свободную любовь эмансипированных женщин революционной эпохи, которых она называет, между прочим, «пчелами трудовыми». Идеология сексуальных связей, освобожденных от этических норм, взаимной привязанности и обоюдных обязанностей, в том числе и в отношении будущих детей, когда вступить в интимные отношения якобы так же просто, как «выпить стакан воды», фактически дегротизирует эти отношения и, лишая их индивидуальности, превращает людей в «половые винтики», лишенные самобытности. Предполагалось, что гендерные различия также должны исчезнуть: как утверждала А. Коллонтай, «место замкнутой и эгоистичной семейной ячейки скоро займет одна большая семья трудящихся всей земли, в которой *все* мужчины и *женщины* будут прежде всего *братьями* и товарищами» [6, с. 24] (выделено мной. – О. В.).

На низовом уровне власти эти идеи принимали еще более уродливые формы. Так, в одном из декретов местного Совета народных депутатов (1918 г.) было написано, что «по достижении 18 лет незамужняя женщина объявляется государственной собственностью. ... Она обязана встать

на учет в “Отделе свободной любви” при комиссариате общественных дел. После записи она выбирает себе мужа-товарища среди мужчин от 19 до 50 лет. ... Желающие имеют право на выбор один раз в месяц. ... В *государственных интересах* мужчины от 19 до 50 лет имеют право на выбор всякой женщины, стоящей на учете в Отделе; *согласие с ее стороны необязательно*. Дети, рожденные вследствие таких союзов, будут считаться собственностью республики» [6, с. 279–280]. Якобы разрушая традиции и предлагая новые формы отношений, авторы этого декрета, по существу, воспроизводят патриархат в еще более жесткой форме. И сколь бы странным ни казался нам этот документ, он очень верно отражает глубинную сущность происходящих перемен: действительно, женщины и дети в 20–30-е гг. перестают быть собственностью мужа и становятся собственностью тоталитарного государства. И если в антиутопии Е. Замятина «Мы» этот порядок описывается саркастически, то деятели Пролеткульта восторгались идеей тэйлоризированного пролетария, лишённого личных интересов и воли, растворившегося в массе рабочих единиц с номерами вместо имен, чья интимная жизнь контролируется государством.

Культурная политика также соответствовала идеологии и строилась в интересах власти. Насильственной трансформации во имя политических целей подвергались и культурные ценности, причем процесс этот не был прямолинейным. Иногда старые ценности отвергались, а иногда власти использовали традиционные культурные символы, встраивая их в новый контекст. Несмотря на радикальные идеологические изменения, официальная пропаганда нередко апеллировала к архетипическим образам и культурным символам, понятным неграмотному населению. В частности, метафора матерей революции, активно использовавшаяся в 20-е г., имплицитно обращалась к образу «матери-покровительницы» [12, с. 141]. Основным мужским образом на плакатах тех лет был кузнец, символизирующий в фольклоре и мифологии богатыря, героя-укротителя огня, носителя света, победителя. Советские плакаты тех лет активно использовали и семиотику иконописи – красный цвет, символы креста [1].

Второй этап государственной трансформации гендерной системы (индустриализация 30-х гг. XX в.) отмечен сворачиванием свобод, ужесточением семейных норм и установлением гендерно симметричных ролей мужчин и женщин как ра-

ботников на стройках социализма. Сталин провозгласил, что советские женщины являются «великой армией труда» и «колоссальным резервом трудовых сил» [8]. То есть женщину фактически приравнивали к мужчине-работнику, причем нормой в данной ситуации выступает вовсе не мужская гендерная роль (мужчина также лишен своей традиционной гендерной специфичности), а *работник*, то есть производственная единица.

Контроль над семьей, материнством и пронационалистская политика становятся важными политическими задачами. Материнство объявляется не частным делом, а службой своему народу. Идея семейного воспитания отвергается партийной пропагандой, поскольку «дети воспитываются родителями не для себя и не для них самих, а для страны» [14, р. 30–54], материнство объявляется величайшей службой «своему народу и государству» [14, р. 30–54], активно внедряется «государственная система» общественного воспитания детей с грудничкового возраста. В 1936 г. запрещаются аборт и вводится уголовная ответственность врачей и самих женщин за их совершение. Государство принимает постановления об усилении помощи многодетной «биологической матери»: «матерью-героиней», имеющей право на медаль и денежное вознаграждение, считалась женщина, имеющая 10 и более рожденных ею самой живых детей. Удивительно, но усыновление и воспитание приемных детей не давало права на такое звание. Отсутствие звания «отец-герой» и соответствующих государственных почестей для мужчин придает политический смысл репродуктивной роли женщины и одновременно *символически* исключает из этой сферы мужчину-отца.

В культурной политике также происходят радикальные перемены – Пролеткульт сменяется эпохой соцреализма, призванного выполнять иной идеологический заказ. Образ страны рисуется через мифологема Большой семьи, где мать – это родина, отец народов – Сталин, а народ – героические сыны («сталинские соколы») и счастливые дочери. Культ Родины и Земли утверждается в новых советских жанрах искусства. Это позволяло власти укорениться на почве русской матрифокальной традиции. Так, в живописи тех лет использовался архетип «мать сыра земля»². Матриархалка советского времени становится очевидна и при анализе монументального искусства – будь то скульптуры Родины-матери, оформление московского метрополитена или, особенно, архитектура избытия и плодородо-

дия на всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Не случайно фонтан Дружба народов на этой выставке (позднее – ВДНХ, ныне ВВЦ) сконструирован в виде снопа пшеницы, вокруг которого расположены золоченые женские фигуры, облаченные в национальные костюмы, с дарами природы в руках. В логике советского гендерного символизма женщина, нация и природа – понятия одного порядка.

В 1930–1940 гг. идеологически перегруженные и аскетичные революционные песни сменяются лирическими массовыми песнями. Они создавались профессиональными советскими композиторами и поэтами и сочетали в себе элементы фольклора, песенного джаза и легкого марша. «Новая песня» транслировала любовь к стране, гордость свободных рабочих, счастливое детство и юность. В центре мифологии, создаваемой посредством песен, находится образ Родины, связанный имплицитно с материнским началом:

Как невесту, родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать.

Кинофильм «Цирк»

Народу в массовой песне отводится роль героических сыновей и дочерей:

Идем, идем, веселые подруги,
Страна, как мать, зовет и любит нас!

Родина представлена в советском мифе в фольклорном образе Матушки. Это необъятная страна с цветущими полями, которая открывает молодежи широкие дороги в «даль светлую». Молодежь, мать-земля и мудрый «отец народов» составляют счастливую Большую семью.

Во время войны гендерные роли были модифицированы в традиционную диаду мужчина – воин и защитник, женщина-мать – страдающее существо. Символ матушки Руси широко использовался в патриотической пропаганде 1941–1945 гг. В плакатах того времени Родина предстает как Богиня-Мать, призывающая сыновей на войну, и как поруганная матушка-земля, которую необходимо защищать. Символическая система использовала маскулинные и феминные образы-концепты: война называлась Великой отечественной (коннотация с маскулинным началом), а земля, которую защищали, – Родиной (ассоциация с феминностью). В критической ситуации власть идентифицирует себя с «матерью», приписывая себе функцию «порождения» и, соответственно, связанные с нею права посылать «сынов» на бой:

Тянемся так же, как дети и мы
К партии-матери, встав к ней под знамя.

П. Кудрявцев

В конце военных лет усиливается контроль над частной жизнью людей: в 1944 г. вышел указ Президиума СССР, в соответствии с которым только зарегистрированный брак считался законным, а свободные фактические браки оказывались незаконными, как и рожденные в них дети. И это – в ситуации демографического военного и послевоенного дисбаланса. Таким образом государство «поощряло» повышение рождаемости, перекладывая заботу о детях на плечи женщин. Была усложнена процедура развода, он стал оцениваться как признак моральной неустойчивости (появилась практика исключения из партии «за развод» – вне зависимости от его причин).

Конец социалистической эпохи (60–80-е гг. прошлого века) отмечен поисками компромисса между так называемыми производственными и семейными «функциями» (как тогда говорили социологи) женщин. Оно и понятно – стране нужны и женские рабочие руки, и рост численности населения. Нормативная гендерная система воспроизводит неоконсервативную модель: публичная сфера отводится мужчинам, семейная – женщинам. Работа женщин вне дома определяется как занятость ради заработка, дополнительного к мужскому. Мужчина считается так называемым главой и кормильцем семьи – несмотря на то, что последняя роль ввиду экономических причин носила совершенно иллюзорный характер.

В целом символический смысл советской системы гендерных отношений представляется мне следующим образом. На фоне проведенной технической модернизации в стране сохранялись традиционные социальные институты и в национальном масштабе имплицитно воспроизводились архаичные формы социального устройства по принципу общины. Сочетание модернизационных и традиционных принципов обусловило и основное противоречие советской гендерной политики. Несмотря на формально провозглашенное равенство женщин и мужчин, эта политика базировалась на убеждении в естественности и неизбежности социальных различий между ними. В результате в СССР возник специфический тип традиционной гендерной системы – советский патриархат, при котором основным механизмом дискриминации женщин являлись не мужчины как категория, а государство. Смена инстанции власти потребовала и некоторых из-

менений в традиционных патриархатных структурах и символах. Для того чтобы полнее господствовать над женщиной, функциональнее использовать ее продуктивные и репродуктивные ресурсы в своих собственных целях, государство-патриарх должно было уничтожить легитимацию юридических и экономических прав мужчины на женщину. Именно в «переподчинении» женщины от мужа к государству и кроется глубинный смысл советской эмансипаторной политики. Разумеется, такое отчуждение мужских прав на женщину в пользу государства не только не способствует редукции патриархатных принципов социального устройства, но и усиливает их. И жертвами этого процесса оказываются не только женщины, но и мужчины. Если материальный и символический статус патриарха приписывается государству, то гендерная идентичность реальных мужчин микшируется³.

В формировании новых советских типов маскулинности и феминности определяющую роль играли идеология и экономика гипермаскулинного милитаризованного государства. Советский мужчина мог реализовать свою маскулинность только в одном качестве – воина на службе Родине, который безоговорочно и самоотверженно участвует в реализации любых государственных проектов – будь то война, индустриализация, коллективизация, «битва за урожай», «покорение целины» или космоса. Главным и основополагающим свойством такой маскулинности была идентичность воина-защитника *советского государства*, постоянно готового отдать жизнь за Родину (или Отечество). Этот «смертельный ореол» советской маскулинности внедрялся в сознание через советские СМИ, литературные произведения, песни и кинофильмы. Реализовать иные сценарии маскулинности, в том числе и кормильца семьи, было для подавляющего числа мужчин невозможно. Именно этим и обусловлен начавшийся в позднесоветский период кризис маскулинности, который сопровождался аллармическим призывом демографа Б. Урланиса: «Берегите мужчин!».

Постсоветский период демонстрирует довольно противоречивую картину гендерной политики. Горбачев заявил, что женщинам нужно вернуть их истинное предназначение, но по его указанию в стране за один год сформировалось 250 тыс. женсоветов. В целом он формально поддерживал международные инициативы в области гендерного равенства, однако в реальности мало интересовался этой сферой. При Ельцине в РФ

стал формироваться национальный механизм по гендерному равенству – то есть система структур в государственных органах законодательной и исполнительной власти по разработке и реализации политики гендерного равенства. После его ухода с поста президента РФ этот механизм был реформирован вплоть до уничтожения, а в официальном дискурсе стали звучать речи о национальной самобытности России, которая якобы чужда ценностям демократии, прав человека и гендерного равенства. Официальная идеология на внутреннем рынке избегает понятия гендерное равенство, принятого на уровне международных документов, которые в том числе подписала РФ. В политике и культуре идет пропаганда и навязывание под видом «национальных ценностей» архаической гендерной системы, которая, впрочем, модифицировалась, но всегда сохранялась в России. Единственное новшество в России последних лет – это усилия политиков и СМИ по так называемому «восстановлению маскулинности» и созданию новой нормативной национальной модели мужественности, которая противопоставляет слабому мужчине советских и первых постсоветских лет.

Исследователи этого процесса Т. и О. Рябовы полагают, что он связан с политикой построения России как сильного государства [10, с. 68–72]. Предлагаемый ныне образ «настоящего русского мужика» весьма противоречив. С одной стороны, «мужик» уважает частную собственность и обладает экономической независимостью, с другой – отвергает все либеральные идеи и ценности (в том числе права человека). Разумеется, настоящий мужик – патриот, предпочитает «наши» ценности (хотя и не всегда знает, что это такое) и готов защищать Родину даже на чужой территории [10, с. 68–72]. «Мужик» отвергает политкорректность, не уважает женщин, склонен к сексизму и гомофобии. В конструирование образа «настоящего мужика» включен *национальный дискурс*, поскольку апеллирует к «подлинной русскости», *символизм воина/защитника* и *эротизм*, связанный с акцентированием в официальной политической риторике мужской сексуальной привлекательности политика. Очевидно, что этот образ коррелирует с архаическим пониманием властями «сильного государства» как государства недемократического и милитаризованного.

Как видим, для российской культуры и национального самосознания по-прежнему значимым является архетип матери в его архаической сим-

волике матери-земли. Но у земли нет ни господина, ни мужа. Таким образом, мужское начало может иметь только один статус – сына великой матери, при необходимости отдающего жизнь для ее защиты. Это, безусловно, означает принижение, девальвацию мужского начала в его онтологическом и личностном смысле. Но символическая девальвация мужского начала имплицитно приводит к девальвации так называемых «маскулинных» ценностей – рациональности, индивидуализма, права и закона (как формальных категорий) – и к приоритету тех ценностей, которые символически обозначаются как феминные (хаос, пассивность, слабость, эмоциональность, тьма, пустота и проч.).

Идеология и символика России как родины-матери способствуют архаизации общественных отношений. Они предстают как общинная, родовая или семейная формы социальной жизни, лишённые личной инициативы и ответственности. Россия воспринимается как мать, а русская нация – как «одна большая семья», а не объединение сограждан. Символическое воспевание женственности вовсе не означает высокую (или хотя бы равную) оценку женской субъектности. В обыденной жизни отношение к женщинам определяется в сознании скорее образом ужасной матери.

На западе символ Великой матери был замещен символом Всевластного отца и приписываемых маскулинному началу ценностей. В эпоху модерна началось (хотя многие авторы оспаривают это утверждение) преодоление маскулинности и становление индивидуализма, а затем и более тонкой символической системы современности. В России же как всегда свой собственный путь – «высокая» символика «Вечной женственности» на уровне национальной идеологии и силовая политика подавления и подчинения «любимых детей нации» интересам государства. Разумеется, в таком государстве трудно рассчитывать на создание политики и культуры гендерного равенства, которые приняты во всех развитых демократических странах. Более того, достижение гендерного равенства объявлено одной из целей развития тысячелетия – международной Декларации, которую от имени РФ подписал наш президент. И это означает, что проблемы гендерного равенства должны стать приоритетными в государственной социальной и культурной политике.

Библиографический список

1. Бонел, В. Иконография рабочего в советском политическом искусстве [Текст] / В. Бонел // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме; под ред. Е. Р. Ярославской-Смирновой и П. В. Романова. – М., 2009.
2. Воронина, О. А. Архаическое, традиционное и инновационное в гендерном сознании [Текст] / О. А. Воронина // Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала. – М.: ИФ РАН, 2010.
3. Коллонтай, А. Дорогу крылатому Эросу [Текст] / А. Коллонтай. – М., 1923.
4. Коллонтай, А. Коммунизм и семья [Текст] / А. Коллонтай // Коллонтай А. М. Избранные речи и статьи. – М.: Политиздат, 1972. – С. 45.
5. Коллонтай, А. Новая мораль и рабочий класс [Текст] / А. Коллонтай. – М., 1919.
6. Коллонтай, А. Семья и коммунистическое государство [Текст] / А. Коллонтай. – М., 1918.
7. Коллонтай, А. Труд женщины в эволюции народного хозяйства [Текст] / А. Коллонтай. – М.; Пг., 1923.
8. «Правда» от 8 марта 1936 г.
9. Рамм-Вебер С. Искусство сталинской эпохи [Текст] / С. Рамм-Вебер // Пол, гендер, культура; под ред. Э. Шоре. – М.: РГГУ, 2003.
10. Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. Настоящий мужик»: о гендерном измерении символической политики [Текст] / Т. Б. Рябова, О. В. Рябов // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 3.
11. Щепкина, Е. Женское движение в годы французской революции [Текст] / Е. Щепкина. – Пг., 1921.
12. Эдмондсон, Л. Гендер, миф и нация в Европе: образ матушки России в Европейском контексте [Текст] / Л. Эдмондсон // Пол, гендер, культура; под ред. Э. Шоре. – М.: РГГУ, 2003.
13. Эндерлайн, Э. Эрос в русской утопии [Текст] / Э. Эндерлайн // Адам и Ева; под ред. Л. Репиной. – СПб.: Алетейя, 2003.
14. Issoupova O. From Duty to Pleasure? Motherhood in Soviet and Post-Soviet Russia [Текст] // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. Ed. S. Ashwin. – London: Routledge, 2000.

Bibliograficheskiy spisok

1. Bonel, V. Ikonografija rabocheho v sovetском politicheskom iskusstve [Tekst] / V. Bonel // Vizual'naja antropologija: rezhimy vidimosti pri socializme; pod red. E. R. Jarskoj-Smirnovoj i P. V. Romanova. – M., 2009.
2. Voronina, O. A. Arhaicheskoe, tradicionnoe i innovacionnoe v gendernom soznanii [Tekst] / O. A. Voronina // Problemy rossijskogo samosoznaniya: arhaicheskoe, tradicionnoe i innovacionnoe nachala. – M.: IF RAN, 2010.
3. Kollontaj, A. Dorogu krylatomu Jerosu [Tekst] / A. Kollontaj. – M., 1923.
4. Kollontaj, A. Kommunizm i sem'ja [Tekst] / A. Kollontaj // Kollontaj A. M. Izbrannye rechi i stat'i. – M.: Politizdat, 1972. – S. 45.
5. Kollontaj, A. Novaja moral' i rabochij klass [Tekst] / A. Kollontaj. – M., 1919.
6. Kollontaj, A. Sem'ja i kommunisticheskoe gosudarstvo [Tekst] / A. Kollontaj. – M., 1918.
7. Kollontaj, A. Trud zhenshhiny v jevoljucii narodnogo hozjajstva [Tekst] / A. Kollontaj. – M.; Pg., 1923.
8. «Prawda» ot 8 marta 1936 g.
9. Ramm-Weber S. Iskusstvo stalinskoy jepohi [Tekst] / S. Ramm-Weber // Pol, gender, kul'tura; pod red. Je. Shore. – M.: RGGU, 2003.
10. Rjabova, T. B., Rjabov, O. V. Nastojashnij muzhik»: o gendernom izmerenii simvolicheskoy politiki [Tekst] / T. B. Rjabova, O. V. Rjabov // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. – 2011. – № 3.
11. Shhepkina, E. Zhenskoe dvizhenie v gody francuzskoj revoljucii [Tekst] / E. Shhepkina. – Pg., 1921.
12. Jedmondson, L. Gender, mif i nacija v Evrope: obraz matushki Rossii v Evropejskom kontekste [Tekst] / L. Jedmondson // Pol, gender, kul'tura; pod red. Je. Shore. – M.: RGGU, 2003.
13. Jenderlajn, Je. Jeros v russkoj utopii [Tekst] / Je. Jenderlajn // Adam i Eva; pod red. L. Repinoj. – SPb.: Aletejja, 2003.
14. Issoupova O. From Duty to Pleasure? Motherhood in Soviet and Post-Soviet Russia [Tekst] // Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia. Ed. S. Ashwin. – London: Routledge, 2000.

¹ Например, в соответствии с брачным законодательством 1926 г. было возможным расторжение брака в одностороннем порядке посредством почтового уведомления.

² Например, в картинах А. Дейнеки «Купающиеся девушки» (1933), Т. Гапоненко «На обед к матерям» (1935) и А. Пластова «Колхозный праздник» (1937) [12].

³ Подробнее см. [13].